

Александр Зубков

**Большая
страна
КИТАЙ**

16+

Александр Зубков

Большая страна Китай

«ЛитРес: Самиздат»

1984

Зубков А. П.

Большая страна Китай / А. П. Зубков — «ЛитРес: Самиздат»,
1984

Трое мужчин: Юра, Митя, Толя, и женщина – Лена, встречали Новый год на квартире у Мити, вчетвером. Юра пришел как бы в гости. Толя, Лена и Митя - составляли некое завершенное единство. Не было, очевидно, ни задних мыслей от Мити, ни ревности со стороны Толи. Это было удивительно, хотя у Юры немного захватывало дух от этого. Но потом первоначальное впечатление о Толе, муже Лены, (странный человек; приходило в голову даже слово - юродивый) рассеялось. Он был, очевидно, просто очень открыт - ярко выраженный экстраверт, сангвиник. И вот событие, которое не должно было произойти, все же произошло.

Содержание

1	5
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

1

К Юре Воробьёву, пятикурснику политехнического института в большом южном городе, приехал его друг, студент-биолог Митя Марков; он уселся на табуретку, и сказал:

–Я хочу, чтобы ты знал. Мы с Леной любим друг друга.

Воробьев молчал.

Всё же случилось, думал он; событие, которое не должно было произойти, и все же произошло. И он, Воробьёв, как это ни жаль, предсказал его ещё полгода назад. Тогда они встречали новый год на квартире у Мити, вчетвером. Кроме Воробьёва пришли Лена и Толя Ивановы, жена и муж, тоже студенты; Лена училась в медицинском институте, Толя – на филофаке университета.

Воробьев с Митей дружили с детства, когда-то жили в соседних домах на окраине. Потом отец Мити, человек по тем временам большой, с высшим образованием, получил квартиру в центре города.

Позже и Воробьёвы переехали в новый микрорайон, выросший на месте свекольного поля. И Воробьёв с Митей стали видеться редко. А Ивановы были новые друзья Мити. Пока накрывали на стол, Толя рассказал историю их с Митей знакомства. Они встретились летом, в Тамани, на уборке винограда, куда выехал весь университет. Толя был единственным мужчиной в своей филологической группе. Однажды понадобилось отвезти девочек в баню, и ехать нужно было морем, в лодке. Толя был назначен старшим. Волны в тот день были приличные, и когда стали приставать к берегу, лодка неловко накренилась, выбило вёсла.

–Представляете! – весело рассказывал Толя. –Визг, брызги! И я, честно говоря, чувствую некоторую дрожь, потому что плаваю на три с минусом. А в это время по песчаной косе идет... Кожаный Чулок! Следопыт! Зверобой! В брезентовых штанах, выгоревшей шляпе, а из-под шляпы выбивается тоже выгоревшая шевелюра. Он прыгает в воду, хватается нашу ладью за хобот – и вот мы уже на твёрдой земле. Мои девочки выпали в осадок!

И дальше, как следовало из рассказа Толи, буквально после нескольких слов они с Митей ощутили нечто вроде искры, какого-то взаимного тока. Они поняли, что созданы быть друзьями, и только по недоразумению до сих пор не были знакомы.

Толя, правда, и раньше встречал Митю в университете, но Митя почему-то казался ему заносчивым и нелюдимым. Бывают иногда такими обманчивыми впечатления, когда смотришь вскользь, со стороны.

И, вернувшись с винограда, Толя, конечно же, сразу познакомил Митю с Ленулей.

Рассказывая, Толя оживлённо жестикулировал. При взгляде на него приходило в голову – очкарик. Но он не носил очков. Воробьев, слушая его, не мог преодолеть смущения. Ему казалось, что в рассказе Толи слишком открыто звучит дружеское любование Митей, почти восторг. А ведь здесь сидела Толина жена.

Лена, однако, спокойно, даже с благосклонной улыбкой слушала мужа. Воробьёву она не понравилась. Маленькая и, на его взгляд, чересчур худая, с бледным плоским лицом. Под глазами круги, вызывающие жалость.

Несмотря на то, что Лена большей частью молчала, а Толя охотно пускался в разговоры, Ивановы были чем-то неуловимо похожи. Впрочем, неудивительно, это были супруги со стажем. Из рассказа Мити Воробьев уже знал, что Толя и Лена вместе учились в школе, стали *жить* в девятом классе, и теперь, на четвертом курсе, у них был четырехлетний сын.

Тот Новый год почему-то в подробностях запомнился Воробьеву. Может быть, потому, что примерно в это время в жизни его произошли события, казавшиеся ему значительными, новыми. На нынешнем четвёртом курсе он был принят на молодую перспективную кафедру,

а совсем недавно заработала предложенная им и оказавшаяся удачной система перестройки лазерной частоты. Воробьёв, конечно, был рад, но и удивлен всем этим. Он считал себя мало-примечательным, вряд ли одарённым человеком. И родители его были простыми людьми. И на первых курсах учился он трудно, со страхом преодолевая сессии. И вот – что-то получилось. Была ли это случайность? Иногда он позволял себе предположить, что нет, хотя он всё еще не был ни в чём уверен. Однако временами ему казалось, что он чувствует дыхание новой жизни. И в эту ночь мир представлялся ему освещённым изнутри особым светом, а все события наполненными своим особым смыслом.

Гвоздем вечера была целиком запечённая нога горной козы. Отец Мити работал в системе лесного хозяйства, часто бывал в горах. Вот и эта козья нога была из даров леса. Несколько раз Митя уходил на кухню, откуда сразу же начинал вытекать запах душистого жареного мяса, затем он возвращался, крутил носом и приговаривал:

–Уж Герман близится, а полночи все нет!

Было хорошо, уютно, но Воробьёв поначалу испытывал неловкость. Эти трое – Толя, Лена и Митя – составляли некое завершённое единство, маленький ансамбль, и новому голосу, казалось, здесь трудно вписаться. Воробьев, хоть они с Митей были друзьями детства, чувствовал себя лишним. Когда приблизилась полночь, стали дарить подарки. Воробьёв пришёл без подарков и был смущён. Однако было решено, что это простительно, поскольку он здесь как бы новенький.

И обмен подарками произошел между членами трио. Дарили забавные игрушки. Только Митя, похоже, упустил время и ничего такого не нашёл. Однако он вышел из этого положения, и вот каким способом. Митя подошел к Лене, что-то пряча за спиной. Он был уже вовсе не "кожаный чулок" в эту новогоднюю ночь. Хорошо стриженный молодой человек, в белоснежной рубашке, отутюженных брюках. У него уже намечался живот, но умеренный, крепкий. Вообще было видно, что в будущем он станет интересным, солидным мужчиной. Митя лукаво улыбался, пряча подарок за спиной.

–А что у меня есть для Леночки?

Лена смутилась. Митя достал из-за спины шоколадку.

Но это было еще не все.

–А что еще у меня?

Оказалось, ещё одна шоколадка; и потом еще.

Шоколадки появлялись одна за другой, стало даже интересно: сколько же их будет? На мгновение показалось, что поток бесконечен, но нет, он прекратился – на магическом числе семь. Все захлопали в ладоши.

Лена была центром внимания двух мужчин.

–Ленуля, этот кусочек смотрит на тебя!

–А зубками его, Леночка, зубками. Мясо любит зубки.

–Странно, где же у нас Ложка-Лена? Почему ее нет на столе в такой момент?"

Одна чайная ложка особенной округлой формы называлась у них Ложка-Лена. Она действительно чем-то напоминала Лену. Лена смущалась, что-то отвечала тоненьким голоском. Попискивает, как мышка, думал Воробьев. Подтрунивал большей частью Митя, а Толя одобрительно посмеивался. Было видно, что он гордится женой и другом.

А славно у них получается, думал Воробьёв. Сам он, пожалуй, чувствовал в отношениях с женщинами некоторую напряженность. Пожалуй, тут сказывалась его общая неуверенность, а может, он слишком видел в женщине женщину. Как бы там ни было, факт оставался фактом. А тут была полная свобода, раскованность, притом естественная лёгкая. Не было, очевидно, ни задних мыслей от Мити, ни ревности со стороны Толи. Это было удивительно, хотя у Воробьева, почему-то, немного захватывало дух от этого. Да, он был непохож на своих друзей. Немногословный. Невысокий, но очень сильный и крепкий: с первых курсов он занимался

боксом, затем штангой. Тогда он думал, что его неуверенность объясняется недостатком физической силы. Позже он стал сильным, но так и не понял, изменило ли это его.

Отец его, учетчик на мебельной фабрике, часто повторял:

"Сначала человек работает на авторитет, а потом авторитет на человека".

И еще он говорил:

"Сейчас держись от баб подальше. Тогда в будущем их будет навалом."

Воробьев смеялся над этой мудростью, но иногда ему казалось, что так, пожалуй, и выходит, если смотреть со стороны.

Часа в два пополудни Лена сказала, что чувствует себя уставшей и пошла прилечь в Митину комнату. Спать она не хотела. Митя пошел с ней, развлечь ее разговором. Воробьев остался с Толей, смотрели "Голубой огонек".

Первоначальное впечатление о Толе (странный человек; приходило в голову даже слово – юродивый) рассеялось. Он был очевидно, просто очень открыт – ярко выраженный экстраверт, сангвиник.

Говорили кажется, о недавно вышедшем фильме, поставленном по известной книге, и по ходу разговора Толя высказал несколько живых и здравых суждений. Неожиданно для себя и Воробьев сказал что-то дельное. Он, надо сказать, много читал, но сплошь и рядом опасался высказывать свои мнения, считая их никому неинтересными. А с Толей он почувствовал себя неожиданно свободно. Наверное, их сблизило то, что у обоих дела в последнее время пошли неплохо. Прошедший год был удачным и для Толи: ему удалось опубликовать очерк в краевой газете.

Появился Митя и, услышав, что речь идет о газетных делах, вкрадчиво сказал:

–Толя нашёл секрет, универсальный ключ к успеху.

Толя рассмеялся, однако с готовностью подтвердил:

–Да, и секрет очень прост. В самом начале нужно дать экспозицию. Например, мой очерк открывается такой картиной. Берег реки, широкий пологий склон, засеянный пшеницей. И по этому пологому пшеничному склону с жужжанием ползут комбайны. Я как у видел это, когда приехал в "Луч", так и понял: вот оно!

Митя слушал, склонив голову на бок, и как только Толя закончил, неслышно, на цыпочках удалился.

–В этом что-то есть, – сказал Воробьев.

Он пошёл на кухню и напился воды из-под крана. На обратном пути он непроизвольно посмотрел в Митину комнату, дверь была распахнута. Лена полулежала на взбитой подушке, а Митя, присев рядом, что-то говорил, улыбаясь. И Лена улыбалась. Воробьев внезапно почувствовал укол тревоги. Вернувшись в зал, он обнаружил, что Толя спокойно смотрит телевизор. Воробьев несколько раз посмотрел на его затылок, словно пытаясь внушить некую мысль. Но Толя сидел не шелохнувшись.

В конце концов, это не моё дело, сказал себе Воробьев. Тут своя компания, свой стиль отношений. Да и что такое, если разобраться, супружество, брак? Многие люди – и какие! – скептически относились к этому установлению. Может быть, тут рождается нечто новое, какие-то современные отношения... Однако эта мысль, по-видимому, шла куда-то не туда, и Воробьев бросил думать. Через минуту он поймал себя на том, что прислушивается к происходящему в Митиной комнате. К счастью, скоро Лена и Митя вернулись.

–Отдохнула, маленькая? – ласково спросил Толя.

–Да. – Лена, зябко поёживаясь, прижалась к его плечу.

Митя допил вино из бокала, погладил живот и сказал:

– Зэр гут!

...Утром решено было прогуляться. Первыми вышли Лена и Толя, а Воробьев с Митей замешкались в прихожей.

–Как тебе понравился Толя? – спросил Митя, зашнуровывая ботинки глядя снизу, отчего лицо у него было напряжённым.

–Неплохой парнишка. Неглупый, живой такой. Но мне показалось, что ты охотнее общаешься с Леной – Воробьев неуверенно улыбнулся.

–Толя – мой друг, – сказал Митя серьезно, с укором.

–Ты читал Камю? Один из его героев говорит: жена друга священна. Но незадолго до рокового события я лишил бывшего друга своей дружбы.

На лице у Мити появилось странное, непонимающее выражение.

–Что ты говоришь? – с глупой улыбкой переспросил он.

–Нет, ничего, – сказал Воробьев. Ему стало стыдно, он отвернулся.

Запомнилось и первое утро нового года: чистое голубое небо и яркий снег, необычная картина для здешних южных мест. Морозный воздух лился в грудь, и тяжесть в голове рассеивалась.

Потихоньку они направились к дому Толи и Лены. Ивановы жили совсем рядом. Вот уже навстречу, оторвавшись от бабушки, побежал мальчик, облепленный снегом, и по радостной суматохе можно понять, что это Олег, сын Лены и Толи.

–Мама! Папа! Дядя Митя!

Митя подхватил его на руки и пошел впереди всех широкой пружинящей походкой. Олег, обнимая его, смеялся и что-то говорил ему на ухо. Чуть позади шли счастливые родители. Следом, не зная, куда деть руки, Воробьев.

Митя двигался во главе процессии, как флагманский корабль. Была у него, пожалуй, некоторая склонность к рисовке. А может, это было что-то другое.

В детстве, вспомнилось Воробьеву, Митя выделялся своим пением. Мальчишки из их дворов почему-то стеснялись этого – пения, танцев и тому подобных вещей. А Митя пел, и пел охотно, в любом месте – в школьном дворе, на улице. Он громко, уверенно исполнял понравившиеся песни. И, что характерно, никто не смеялся над ним. Наоборот, мальчишки примолкали, внезапно осознав, что есть своя ценность в таком вот смелом исполнении.

В этом было что-то неожиданно взрослое. И мальчишки при этом сами немного взрослели.

Раньше всех Митя заговорил и о любви. Они стеснялись самого этого слова. А Митя стал говорить об этом лет уже в тринадцать. Он говорил, что любовь – величайшее счастье, которое может выпасть человеку. Все те стыдные вещи, о которых рассказывались анекдоты, над которыми принято было презрительно смеяться, выходили у Мити прекрасными, благородными.

Митя высказал эти неожиданные мысли совершенно спокойно. И снова он не был осмеян. В его словах угадывалась истина, которой все почему-то стыдились; она была влекущей, волнующей. Потом, когда они почти совсем уже выросли, как-то раз произошел спор о газетной статье, в которой был описан пример верной любви. Это была история тяжелой болезни женщины и самоотверженности мужчины. Кто-то высказал сомнение в правдивости статьи: трудно поверить, что человек способен годами выносить утку, стирать грязные простыни.

Митя сжал скулы. Потом, сверкнув глазами, сказал:

–Я согласился бы есть кал любимой девушки.

И говоривший посмотрел на Митю со страхом.

Да, была в Мите какая-то решительность.

2

И вот теперь, приехав к Воробьеву июльским жарким воскресеньем, Митя сказал, отводя глаза в сторону, делая остановки, но решительно:

–Я хочу, чтобы ты знал. Мы с Леной любим друг друга.

И – "любим" он сказал так, что ни в чем не оставалось сомнений. Вот и названо это слово. Бедный Митя, почему-то подумал Воробьев. Ему стало тоскливо – оттого, что он угадал тогда.

Оказывается, можно предвидеть поступки людей. Это может помогать в жизни, в работе. И все таки жаль. Получается, что люди устроены просто. Несмотря на наслоения сложностей, так называемую неоднозначность, в основе своей человек довольно прост и, как правило, оказывается в плену извечных, банальных ситуаций.

В ту новогоднюю ночь ситуация сразу насторожила Воробьева. Супружеская пара и неженатый друг семьи. В этом было что-то, пробудившее в Воробьеве неуверенность, ощущение опасности. Ситуация была чревата определенным ходом дальнейшего развития.

Надо отдать должное: Митя, Толя и Лена как будто старались преодолеть эту заданность, они словно искали новое решение. Они бросили вызов банальности. Но победить на сей раз (можно сказать – и на сей раз) не удалось.

Солнце палило прямо в распахнутое окно. Воробьев, голый до пояса, сидел за столом над книгами. Отец, мать и младший брат ушли на реку.

Митя, оседлав табуретку, застыл перед ним, прямой и настороженный; на переносице его была складка. Однако же он был аккуратен: в белой безрукавке, светлых новых брюках. Воробьев застеснялся своей наготы, надел рубашку.

–А ведь я угадал тогда, – сказал он, вздохнув.

–О чем ты? – спросил Митя.

–Помнишь, мы говорили о Камю...

Митя с недоумением смотрел на него.

–Нет, – сказал он и досадливо поморщился. – Я пришел к тебе не за этим. Я хочу знать, как ты относишься... к этому... К моему... поступку... Он нервничал, кусал губы. Воробьев стал собирать книги со стола.

–Что тебе сказать? Жизнь есть жизнь. Все не просто. От Лены я не в восторге. А впрочем, я не о том... Все не просто. Помнишь, у Чехова? Рассказ, где двое прощаются в вагоне... Понимают, что любят друг друга... Что нужно было плюнуть на все обстоятельства, условности... Но поздно. Короче, я не собираюсь судить тебя.

Почему, говоря все это, Воробьев прятал глаза? И отчего Митя старался не замечать этого?

Митя облегченно вздохнул.

–Спасибо тебе. Я рад, что мои друзья не осуждают меня. Это здорово, когда друзья тебя понимают!

У Мити было еще два-три приятеля там, в центре. Сокурсник Бенедикт жил с ним в одном подъезде. Другой, которого все звали по фамилии – Рогов – недавно вернулся из армии и пока что нигде не работал, гулял. Он, впрочем, собирался устроиться грузчиком в драматический театр.

–Я прошу тебя поехать со мной, – сказал Митя.

Оказалось, что сегодня у Лены день рождения, а Мите трудно бывать у Ивановых теперь, когда Лена каждый день тайком приходит к нему. Митя признался, что ему вообще нелегко сейчас. Ведь она, как ни говори, замужем.

–А я ревнив! – сказал он с нервным смешком.

Они поехали через весь город на трамвае. Жара стояла адская, хоть день уже клонился к вечеру. Хорошо, что было воскресенье. Раскаленный трамвай был полупуст. По дороге Митя рассказал, как э т о случилось.

Митя с Ивановыми давно уже подумывали о выходе на природу, и довольно конкретно. Лесное хозяйство, где работал отец Мити, имело в горах сторожку. Постоянно там никто не жил, а при случае можно было остановиться. Хозяйство использовало сторожку в основном для выездов с приезжим крупным начальством. Туда-то и предлагал отправиться Митя, и Ивановы охотно поддержали эту идею. Весной идея была осуществлена. Сергей Иванович подобрал их до ближайшего селения, откуда до сторожки был день неспешного пути. Поднимаясь вдоль берега быстрой горной речки, они на исходе дня достигли этого места, которое оказалось чудесным. Вокруг горы, расцветающая весенняя природа. Удивительный воздух, который можно пить с наслаждением, как родниковую воду. Цветы, которых они никогда не видели, и названий не знали.

Вечером провожали садящееся солнце. В этот миг и сдвинулось что-то в душах Мити и Лены. Митя сказал только, что они посмотрели в глаза друг другу. Они проснулись одновременно, рано утром. Сторожка стояла на склоне горы, на сваях, а между сваями было пространство, наполовину заваленное всяким хламом, что-то вроде подвала или чулана.

Туда и пошли Митя с Леной.

А Толя в это время спал наверху.

Потом, в городе, Лена стала приходить к Мите.

Рассказывая, он задумался. Глаза его затуманились.

—Вот тут началась любовь,— сказал он. — Я полюбил ее, когда снял ей юбку. Называй это как угодно, но это так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.